Маршак С.Я. Последний фонарь за оградой… [стихотворения, переводы] / Самуил Маршак. – М. : НексМедиа ; М. : ИД Комсомольская правда, 2013. – 238 с. – (Серия «Великие поэты»).

Как от перрона вокзала что ни день отходят все новые поезда, так и от условного «перрона» книжного магазина ИД «Комсомольской правды» сейчас тронется новый «состав» – обзор книги Самуила Маршака «Последний фонарь за оградой...» из серии «Великие поэты».

О том, что это произойдет, я добросовестно, как вокзальное табло, предупреждала в предыдущем обзоре – на книгу стихов Татьяны Бек «Смятенная душа», принадлежащую этой же издательской серии.

О магазине и о серии, кажется, все было рассказано в упомянутом обзоре книги Татьяны Бек. Можно перейти непосредственно к сборнику Самуила Маршака.

Только одну поправку должна я сделать перед этим. В прошлом обзоре я утверждала, что художники в книжечках «Великие поэты» не указаны. Это было следствием необъяснимой невнимательности, за которую приношу извинения. Автор иллюстраций к каждому сборнику указан вместе с выходными данными. Сборник Татьяны Бек сопроводила книжной графикой Л. Чернова. Стихи Самуила Маршака проиллюстрировал Л. Помянский.

Начать ли с иллюстраций?.. Это стандартные для серии «Великие поэты» черно-белые иллюстрации в технике «рисунок пером». Сюжеты их тоже стереотипны по замыслу – выражают визуально то, что описывают слова на соседней странице. Иллюстраций немного.

Этот видеоряд диссонирует с теми картинками, что невольно связываются нашим сознанием со стихами Маршака с раннего детства: с Воробьём, шмыгающим по клеткам зверей, с «Тигрёнком, а не Киской», с вереницей почтальонов, несущих вокруг света письмо Борису Житкову, с Мистером Твистером в широкой панаме, спящим на стуле, и его спутницами – «старухой в огромных очках» и «девицей с мартышкой в руках», с Петей и Серёжей, похожими как две капли воды, с Падчерицей из «Двенадцати месяцев».

Для большинства читателей Самуил Маршак – детский поэт и переводчик песенок-потешек с ряда европейских языков на детскую речь. Детские стихи Маршака приходят на ум сразу же, как звучит его фамилия. Для многих поколений советских школьников это «Почта», непреложная, как аксиома:

Кто стучится в дверь ко мне
С толстой сумкой на ремне,

С цифрой 5 на медной бляшке,
В синей форменной фуражке?

Это он,
Это он,
Ленинградский почтальон.

А для сегодняшних ребят если и вышли из обихода какие-то совсем «советские» стихи – скажем, «Гонят волны Волга и Вазуза, / Две реки Советского Союза» – то уж наверняка не коснулось исключение «Где обедал воробей» или баллады «Вот какой рассеянный»:

Жил человек рассеянный
На улице Бассейной.

Сел он утром на кровать,
Стал рубашку надевать,
В рукава просунул руки –
Оказалось, это брюки.

Вот какой рассеянный
С улицы Бассейной!

Надевать он стал пальто -
Говорят ему: не то.
Стал натягивать гамаши -
Говорят ему: не ваши.

Хотя слово «гамаши» уже стало архаизмом, сказка про забывчивого гражданина не теряет прелести.

Однако сборник Маршака в серии «Великие поэты» составлен «от противного». В нём не нашлось места детским стихам Самуила Яковлевича, да и детские переводы его представлены весьма умеренно – двумя стихотворениями Редьярда Киплинга, и то изначально не детскими: «На далёкой Амазонке» и «Если в стёклах каюты зелёная тьма».

Похоже, книга намеренно скомпонована так, чтобы заставить широкого читателя (круг избранных знатоков без того в курсе) отвлечься от ассоциативной связки: Самуил Маршак – детский автор. Она имеет в виду просвещение почтеннейшей публики: Самуил Яковлевич Маршак был и «взрослым» поэтом, и его стихи, адресованные не малышам, представляют собой интересное литературное явление, о котором можно и нужно говорить автономно. Без апелляций к Мистеру Твистеру и Неизвестному герою – парню лет двадцати...

Написала – без апелляций, но как можно не процитировать «Рассказ о неизвестном герое», которого «Ищут пожарные, ищет милиция...» по расплывчатому описанию:

«Среднего роста,
Плечистый и крепкий,
Ходит он в белой
Футболке и кепке.
Знак “ГТО
На груди у него.
Больше не знают
О нем ничего
Многие парни
Плечисты и крепки.
Многие носят
Футболки и кепки.
Много в столице
Таких же значков.
Каждый
К труду-обороне
Готов».

Нет, пора успокоить свою ностальгию и обязать разум взять верх над эмоциями (так и есть – детская поэзия Маршака – это наша *эмоциональная* память)!..

Предпосылки для этого есть – сборник «Последний фонарь за оградой...» начисто лишён детской «балагурности». Весьма серьезная и грустная книга.

Она включает примерно поровну собственных стихов Маршака и переводов. Переводы сюда вошли самые популярные. Составители серии «Великие поэты» повторили публикацию распространённых переводов Маршака, видимо, по формуле «Повторение – мать учения» – и поступили разумно. Нелишне кому-то из читателей, возможно, впервые узнать о том, что Маршак перевёл практически все сонеты Шекспира, огромную часть наследия Бёрнса, многие стихи Блейка, Байрона, Вордсворта, Перси Биши Шелли, Джона Китса, Теннисона, Браунинга, Льюиса Кэрролла, а кому-то перечитать переводы и насладиться их чеканным слогом и красотой звучания.

К слову о переводческой деятельности Маршака. Самуил Маршак не остановился на переложении английской поэзии, хотя её особенно хорошо знал и любил, после двух лет жизни в Англии, учёбы в Лондонском университете и, как утверждает его официальная биография, пеших путешествий по стране, во время которых он слушал и собирал народные песни. Это было в 1912–1914 годах. Но переводил классик советской литературы не только английских поэтов. «Ода к Миньоне» «немецкого всего» Иоганна Вольфганга Гёте и несколько стихотворений Генриха Гейне тоже вошли в сборник.

Однако о переводном блоке я не буду говорить ничего, кроме того, что он в сборнике присутствует.

Благодаря лаконичной манере составления сборников в серии «Великие поэты», то есть без биографий и комментариев, читатель не узнает многих подробностей о жизни и судьбе Маршака. Скажем, о том, что Самуил Маршак был отдалённым потомком известного раввина и талмудиста, жившего в XVII веке, и что фамилия его в сокращении значит «Наш учитель рабби Аарон Шмуэль Кайдановер». Она принадлежит только потомкам этого учителя. О том, что молодой Маршак в 1911 году с группой друзей-единоверцев совершал путешествие по Восточному Средиземноморью – Турции, Греции, Сирии и Палестине, будучи корреспондентом петербургской «Всеобщей газеты» и «Синего журнала». Хотя стихотворения из этого

круиза (например, «Мы жили лагерем в палатке...» и прочие из цикла «Палестина») в сборник включены. Но вот стихи памяти отца-основателя сионизма Теодора Герцля и другие, условно называемые «сионистскими» стихи поэта в книгу не вошли. Это отчасти логично: юность Маршака и некоторые его деяния, способные сильно не понравиться власти (вроде написания антибольшевистских стихов и фельетонов под псевдонимом «Доктор Фрикен» в годы жизни на Украине в Гражданскую войну) замаскированы от сегодняшнего читателя так же, как маскировал их от советских поклонников своего творчества сам Самуил Яковлевич. Судя по четырём Сталинским премиям и одной Ленинской, скрывал он свою бурную, идейно, если можно так выразиться, «упречную» юность мастерски.

Судя по тому уровню банальной эрудиции, который демонстрируют на первых курсах гуманитарных вузов отличники ЕГЭ по литературе, поступившие в эти самые вузы «на волне» своего проходного априори балла, а в институте пишущие фамилию великого русского поэта «Мандаштан» (статья на эту тему, написанная шокированным преподавателем, недавно появилась в «Огоньке»), большинство нынешних студентов аллюзию не расшифруют. Но и я не стану подсказывать. Мои ровесники поймут, о ком речь, а юношество пусть в «Википедии» пороется, если любопытно.

Кстати, и о том, что советская писательница Елена Ильина, автор культовой книги для школьников «Четвёртая высота» (про героиню Советского Союза Гулю Королёву) была сестрой Маршака, из книги не почерпнешь. Но сборник и не про них...

Вернёмся к сборнику «Последний фонарь у ограды». По прочтении складывается устойчивое впечатление, что его хотели «вылепить» нарочито нейтральным, не впадающим ни в какую политическую крайность, каковым приходилось быть Самуилу Яковлевичу причастным при жизни. Его содержание – в основном глубоко личностные стихи, написанные Маршаком либо для себя, либо для кого-то из близких (зачастую уже покойных; чаще всего это жена Софья Михайловна). С ними поэт говорит спокойно и открыто, не боясь показать свою душу; и чувства, что он вкладывает в свои прямые высказывания, тоже далеки от публичных, агитационных.

Можно так сформулировать: в этой книге собраны стихи, характеризующие натуру Самуила Маршака, а не его имидж. Идея хорошая; изданиями своих трудов ни при жизни, ни после кончины Маршак не был обижен, но были ли среди них такие же собрания глубоко интимных лирических стихотворений?..

Показательно стихотворение, давшее название сборнику:

Последний фонарь за оградой

Я еду в машине. Бензинная гарь
Сменяется свежей прохладой.
Гляжу мимоездом на бледный фонарь
Последний фонарь за оградой.
(...)

В углу за оградой – убогий ночлег
Жены моей, сына и брата.
И падает свет фонаря, точно снег,
На плющ и на камень щербатый.

В столицу бессонную путь мой лежит.
Фонарь за домами затерян.
Но знаю: он вечный покой сторожит,
Всю ночь неотлучен и верен.

«Вечному покою» и «подготовке» к нему посвящена львиная доля собственных «взрослых» стихотворений Маршака, если судить по этой книге. В особенности стихов, созданных в зрелом возрасте автора.

Отмечу неоднозначный ход составителей сборника: ранние стихи поэта – написанные в 1902–1925 годах – поданы отдельно от поздних – а переводы следуют вовсе обособленно, второй частью книги. С одной стороны, это логичное деление; с другой – почему-то ранние стихи поставлены после более поздних. Так что читателю приходится знакомиться с тем, с чего Маршак начинал, уже в полной мере осознав, чем он закончил. А закончил он строками:

Все те, кто дышит на земле,
При всем их самомнении –
Лишь отражения в стекле,
Ни более, ни менее.

Каких людей я в мире знал,
В них столько страсти было,
Но их с поверхности зеркал
Как будто тряпкой смыло.

Я знаю: мы обречены
На смерть со дня рождения.
Но для чего страдать должны
Все эти отражения?

И неужели только сон –
Все эти краски, звуки,
И грохот миллионов тонн,
И стон предсмертной муки?..

Вступающие сразу после этого «стона предсмертной муки» «Качели» 1907 года написания:

На закате недвижимо
Закружился светлый сад...
Стой смелей! – вперед летим мы...
Крепче стой! – летим назад.

Как игра весны и бури –
Наша радость и испуг.
От лазури до лазури
Описали полукруг, –

Выглядят настолько резким контрастом, что вряд ли это делалось случайно. Тем более, что в «Качелях» есть и эротический подтекст – *«И нырнула станом стройным / Вниз – и ястребом спокойным / Я поднялся над тобой»* – из-за которого невинное вроде бы стихотворение о катании парой на качелях становится чуть ли не гимном борьбы Эроса и Танатоса. Такой эффект придает ему соседство со стихами об обидности, унизительности мучений жизни, заканчивающихся смертью.

Имел ли это в виду Самуил Яковлевич? Сомневаюсь! Стихи эти он написал едва ли не с полувековым интервалом. Если бы он сам составлял собственный сборник «неподцензурных» стихов, вряд ли бы расположил рядом с юношескими, пусть не щенячье-радостными, но летучими, созданными с лёгким сердцем творениями стариковские, отягощённые мыслями и памятью прожитого стихи.

К слову, «взрослые» стихи, в отличие от ранних, не датированы, что ещё раз заставляет удивиться: так что же перед нами – небрежность публикатора или мудреная концепция?

Для чего сделали такой «анахрон» составители, читателю, поставленному перед фактом, остается только гадать. Как и о том, кто является непосредственным составителем. В выходных данных указываются наследники мэтра – А.И. Маршак и Я.И. Маршак, но приложили ли они сами руку к составлению дедушкиной книги, или только предоставили издательству право распоряжаться текстами, по «телеграфному» стилю выходных данных сказать сложно.

Возможно, в размещении ранних стихов за последними, но до переводных, кроется некая сермяжная правда, но от меня она ускользает. Впрочем, одна «рабочая версия» просится, но она примитивна.

Допустим, составители, спохватившись, что нагнали на читателя тоску и ужас, решили «разбавить» эти ощущения милыми юношескими стихами Маршака. Это, пожалуй, отчасти удаётся. Среди ранних текстов доминируют пейзажи, схваченные рукой мастера, несмотря на молодость поэта; их сила – в деталях, а детали отнюдь не того «левитановского» свойства, не «над вечным покоем», что читатель сборника уже прочитал (а читатели моего обзора прочтут, по житейской логике, позже).

Где-то мы настигнули
В поле огоньки.
Вмиг они отпрыгнули,
Миг – и далеки.
(...)

Минули уверенно
Станций мимолет...
На одной, затерянной,
Дождик нынче льет.

Ветер по прогалинам.
Паровозный свист.
За столом заваленным
Спит телеграфист. («В поезде», 1907)

* * *

Утро. Море греет склоны,
А на склонах реет лес.
И разбросаны балконы
В синем зареве небес.
(...)

Тонких чашек звон задорный
С вышины сорвался вниз.
Там на скатерти узорной
Блещет утренний сервиз. (1910)

* * *

Луна осенняя светла,
Аллея дремлет кружевная.
Природа глухо замерла,
Предчувствуя, припоминая.

Шуршанье листьев, вздох лесной -
Последний отзвук летней неги...
Но все бледнеет пред луной –
Как бы в мечтах о первом снеге. (1909)

Среди юношеской пейзажной лирики ряд стихотворений относится к тем самым путешествиям Маршака, о которых человек, хотя бы поверхностно знакомый с его биографией, имеет представление, а новичок получит информацию к размышлению. Так, чаек автор описывал по пути из Салоник в Афон; «греческие красные, как у пиратов, кушаки» – где-то поблизости, в Греции; палатку среди «зноем сожженных» кустов – в Палестине; а долину в ночи, над которой белеет туман (образы, вероятно, навеянные лермонтовской непревзойденной фразой «Сквозь туман кремнистый путь блестит») и «несется пенье, скорбное, как стон» – в Англии.

Дорожный мотив как счастье процесса несколько раз проявится в юношеских стихах Маршака, притом со значительным временным перерывом:

...И степь – за цепью вагонов.
Простор, покой и прохлада.
А сердце беспечно и радо.
В нем нет ни страстей, ни тревоги.
Оно – на свободе, в дороге. («Запахло чугунной печкой...», 1908)

* * *

Полустанка свет и шорох
Будут длиться пять ми нут,
Но в больших, немых просторах
Ночи жизни пробегут. («После яркого вокзала...», 1922)

Впрочем, путешествие по земле закончится двусмысленно:

* * *

Я странствовал довольно по земле,
Теперь пойду по воздуху. Короче
Воздушный путь. Дождусь я лунной ночи,
Как ветра ждёт матрос на корабле.
И вот иду. По крышам, как лунатик,
Я обхожу осенний Ленинград.
Вон Летний сад... (1925)

То ли автор фантазирует о полёте, как Наташа Ростова, то ли душа прощается с телом, а нестарый ещё, около сорока, человек, представляет себе в деталях, что увидят глаза его души в этом прощальном путешествии...

Тяга к отображению пейзажей не покинула Маршака до седых волос. Блок его зрелых стихов полон зарисовками с натуры. Тут, надо сказать, иногда уж получается не красота, а красивость:

* * *

Владеет морем полная луна,
На лоно вод набросившая сети.
И сыплет блестки каждая волна
На длинный берег, спящий в бледном свете...

По мне, это не фотография, а олеография, в которой постановочность преобладает, а по краю – нарядная рамочка. Чаще всего так получается с морскими картинами:

Стояло море над балконом,
Над перекладиной перил,
Сливаясь с бледным небосклоном,
Что даль от нас загородил...

Не понимаю, как небосклон, то есть даль, может загородить от кого бы то ни было самого себя... Впрочем, не будем цепляться к отдельным стилистическим недостаткам. Есть – как бы их назвать? – проблемы? пробелы? – посущественнее.

О своей манере стихосложения Маршак говорит откровенно:

Тебе пишу я этот дифирамб,
Мой конь крылатый – пятистопный ямб.

Он указывает на великих своих учителей, приверженцев этого же стихотворного

размера – Данте и Шекспира. Несомненно, играет роль и переводческое амплуа, которому Маршак посвятил половину жизни. Но не могу не признать, что подборка, где через стихотворение – пятистопный ямб (и лишь иногда, для разнообразия – четырёхстопный, или онегинский), звучит, как бы помягче, несколько заунывно. Несмотря на все заслуги этого размера перед мировой литературой. Причем, судя по ранним стихам, «преследовать» Самуила Яковлевича пятистопный ямб начал ещё в молодые годы. Этот момент позволяет оценить его как поэта консервативных взглядов, чья натура (см. выше) только таким, тягучим, мерным, тяжеловесным слогом изъяснялась. Впрочем, в детских стихах он пятистопному ямбу изменяет – не исключено, что с удовольствием...

Но главный мотив в лирике Маршака – мотив быстротечности жизни, безвозвратности её счастливых мгновений *(«Как хорошо, что у деревьев сада / О прошлых днях воспоминанья нет»* – констатирует поэт едва ли не с завистью к деревьям) и неотвратимости смерти, как бы долго жизнь ни тянулась:

Надпись на часах

Дорого вовремя время.
Времени много и мало.
Долгое время – не время,
Если оно миновало.

* * *

...и в шуме этих листьев для меня
Шумят давно забытые деревья.

Под деревом хотел бы я найти
Заслуженный покой в конце пути.(«Под деревом – какая благодать!»)

А вот и самое главное, пожалуй, для понимания поэтической сущности Маршака стихотворение (приведу его целиком):

* * *

Цените слух, цените зренье.
Любите зелень, синеву –
Все, что дано вам во владенье
Двумя совами: я живу.
Любите жизнь, покуда живы.
Меж ней и смертью только миг.
А там не будет ни крапивы,
Ни звезд, ни пепельниц, ни книг.

Любая вещь у нас в квартире
Ас уверяет, будто мы
Живем в закрытом, светлом мире
Среди пустой и нищей тьмы.

Но вещи мертвые не правы –
Из окон временных квартир
Уже мы видим величавый,
Бессмертию открытый мир.

Меня не обманывает «бессмертию открытый мир» – поэт не радуется бессмертию души, в которое сам себя (прежде всего!) призывает верить, а скорбит по утере материального мира с его крапивой, звездами, пепельницами и книгами (пепельница в ряду избитых «возвышенностей» говорит о мировоззрении подлинно поэтическом). Каждый миг он помнит о том, что его уютная квартира – временная, и боится этого, но «по-мужски» старается себя подготовить к неизбежности перехода...

И эти строки написал человек, который высмеивал заносчивого расиста Мистера Твистера (и немножечко, в порядке «фиги в кармане», ленинградское гостиничное хозяйство)!.. Который «запирал стеной» Днепр, воспевал отважных советских огнеборцев и Неизвестного героя!.. Который в строфах-картинках (чистый комикс) описывал цирковое представление!.. Но это факт: одной рукой Маршак писал весёлые и пропагандистские выверенные детские стихи, а другой – отталкивал от себя мысль о смерти, тем самым постоянно держась с нею ближе некуда – всего лишь на расстоянии вытянутой руки...

Как, должно быть, тяжело ему было жить в этой вечной маске!.. Можно только посочувствовать Самуилу Яковлевичу.

Книга из серии «Великие поэты» – «Последний фонарь у ограды» пробуждает сочувствие. Это главное предназначение поэтической книги.